

УДК 93

ОТ ЕПИСКОПИИ К ЕПАРХИИ: К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ЦЕРКОВНОЙ СТРУКТУРЫ НОВГОРОДА

© 2020 г.

Т.Ю. Фомина

Набережночелнинский государственный педагогический университет, Набережные Челны

stal73@yandex.ru

Поступила в редакцию 02.03.2020

Рассматривается формирование церковных округов на Руси, в частности пути их развития от епископии к епархии. В качестве примера такой эволюции выбран Новгород. На основании летописных источников анализируются процессы становления епархиальных границ, внутреннее деление на церковные округа, органы управления и каноническая подчиненность новгородским архиереям мирского и монастырского духовенства. В результате исследования выделены периоды и обоснованы принципы развития Новгородской кафедры. До конца XI в. она представляла собой христианскую миссию, действовавшую при поддержке княжеской власти. К середине XII в. оформляется епископальная структура. К 1230-м гг. формируются общие черты епархиального устройства.

Ключевые слова: история русской церкви, Новгород, епископия, епархия, церкви, монастыри, русские летописи.

Церковные административные округа Древнерусского государства в светской и церковной историографии традиционно именуются епархиями. Однако для периода становления церковной организации Руси применение данного термина не корректно. Епархия представляет собой территориально очерченный церковный округ с развернутой структурой управления, с находящимися в подчинении епископа приходами и монастырскими обителями [1, с. 520–521]. Термину «епархия» в полном смысле духовная организация Руси X–XII вв. не соответствует. Для данного периода истории русской церкви епископские центры и отождествляемые с ним территории (округа), управляемые епископом, либо церкви, где находился архиерей, правильнее называть *епископиями* [2, с. 86].

Процесс формирования церковных округов на Руси, путь их развития от *епископии* к *епархии* проследить достаточно сложно – это связано с фрагментарностью и спорадичностью сведений исторических источников о древнерусских епископских центрах. Исключение составляет история кафедры в Новгороде, которая представлена в русских письменных источниках достаточно подробно. Поэтому именно на материалах, связанных с новгородской кафедрой, будут проанализированы ключевые аспекты епископальной структуры – епархиальные границы, внутреннее деление на церковные округа, органы управления диоцезом, каноническая подчиненность архиереям мирского и монастырского духовенства [1, с. 504–521].

Основание архиерейской кафедры в Новгороде, согласно Новгородской первой летописи и

летописей XV–XVI вв., произошло в 989 г. [3, с. 159–160; 4, с. 34]. Никоновский свод относит это событие к 992 г [5, с. 65]. Внимание к поздней относительно событий X–XIII вв. Никоновской летописи обусловлено тем, что она создавалась при митрополите Данииле и уделяла значительное внимание церковной истории. Несмотря на характерное для нее стремление удревять церковно-исторические события, в ней могли быть использованы не дошедшие до нас подлинные древние документы. Границы территории, подвластной первому епископу Иоакиму Корсунянину [3, с. 159–160], должны были «до известной степени совпадать с границами» Новгородской земли [1, с. 506]. За длительный период правления святителя Иоакима (около 40 лет) источники не сохранили сведений об активной миссионерской деятельности, которая способствовала бы христианизации новгородской округи и, как следствие, созданию подвластных ему церковных округов. Известно лишь, что при поддержке княжеской власти, крестившей Новгород «огнем и мечом», были построены церковь в честь св. Иоакима и Анны, а в конце «Пискупле улице» был возведен тринадцатиглавый деревянный Софийский собор. Если признать достоверными сведения Летописи Авраамки, то в 998 г. был основан Десятинный монастырь [6, с. 173–174; 3, с. 16, 181; 7, стб. 40]. Безусловно, данные сооружения стали основой для будущей епископальной структуры, но в период святительства Иоакима Корсунянина Новгород, очевидно, представлял собой лишь епископский центр, христианскую миссию, действовавшую под покровительством

княжеской власти. Дополнительным аргументом в пользу данного положения является отсутствие сведений о рукоположении на кафедру святителя Иоакима. Тем не менее можно согласиться с выводом, согласно которому возникновение этого центра и кафедральной церкви «нужно относить ко времени сразу после учреждения Киевской митрополии или одновременно с ним в 996–999 гг.» [4, с. 34].

При преемнике Иоакима – Ефреме (согласно Никоновской летописи, он не был рукоположен в сан [5, с. 79]) новгородская кафедра оставалась епископским центром. Сохраняла она это положение и при следующем епископе Луке Жидяте, поставленном решением князя Ярослава Мудрого (в 1034 г. согласно Ипатьевской летописи, в 1036 г. – Новгородской четвертой летописи, повторяющей сведение Лаврентьевской [8, стб. 138; 9, с. 114; 10, стб. 150]). На период святительства епископа Луки пришлось строительство князем Владимиром Ярославичем каменного Софийского собора в Новгороде и освящение церкви Пресвятой Богородицы [3, с. 16, 181]. Вряд ли княжеские церковные постройки сразу стали частью епископальной структуры и были переданы в непосредственное подчинение архиерею. Однако к середине XI в. изменения в статусе новгородской кафедры все же произошли. Если признать участие Луки Жидяты в выборах киевского митрополита Илариона [8, стб. 143–144; 10, стб. 156], то логичен вывод о включении Новгорода в церковно-политические процессы Руси. А суд митрополита Ефрема над епископом Лукой [3, с. 182–183], обвиненным в «непотребных речах», свидетельствует как раз о каноническом подчинении кафедры Киеву.

После смерти Луки Жидяты (1059 г.) [9, с. 120] во главе Новгородской епископии находились воспитанники Киево-Печерского монастыря – Стефан, Федор, Герман и Никита [3, с. 17, 18, 19, 196, 201; 11, с. 394; 9, с. 133, 137; 4, с. 207], при которых Новгород сохранял статус епископального центра. Отголоском этого является то, что источники донесли сведения о сложностях процесса христианизации Новгородской земли в середине XI в. Если сообщение о том, что епископ Стефан (ок. 1059 – ок. 1068 гг.) был задушен собственными холопами, нельзя однозначно связывать с миссионерской деятельностью архиерея [5, с. 96], то желание новгородцев под руководством волхвов в ходе антицерковного мятежа 1071 г. «побить епископа Федора» [3, с. 196] отражало, по-видимому, противостояние христианства и язычества. Примечательно, что Федора (1069/1070–1077/1078) в сложившейся ситуации поддержа-

ла только дружина во главе с князем Глебом Святославичем [3, с. 196].

Становление инфраструктуры новгородской епископии происходило при активной строительной деятельности представителей княжеской династии Рюриковичей. Ко времени святительства владыки Германа (ок. 1078 г. – ок. 1096 г.) относится возведение первой частной церкви: «заложиша в Великом Новгороде церковь каменную Вознесение Господне Милонит Кишник на Прусской улицы» [6, с. 186]. При следующем епископе Никите (ок. 1096 – 30.01.1108/1109) Воигостом была возведена церковь святого Феодора Тирона [3, с. 20, 204]. Сведений о том, что указанные церкви находились в подчинении архиерейской кафедры, источники не сообщают. А вот Благовещенский монастырь, основанный в это время подвижником Антонием Римлянином, изначально обладал автономией [12].

Продолжается и княжеское церковное строительство. При епископе Никите «заложиша церковь Благовещение Мьстислав князь на Городищи» [3, с. 19, 203]. В период святительства владыки Иоанна (1110–1130/1131 гг.) сыном Мстислава Всеволодом была заложена церковь Ивана на Опоках и Георгиевский собор Юрьева монастыря [3, с. 21, 205–206]. Эти церкви не перешли в подчинение епископа – напротив, Всеволод Мстиславич в «Уставе церкви Ивана на Опоках» [13; 14] ограничил власть епископа в отношении клира данной церкви и ее приходской общины, разрешая епископу служить в этой церкви лишь раз в год, указав конкретную сумму выплат владыке [13]. В то же время князь Всеволод решил вопрос материального содержания новгородской кафедры, даровав «Устав о церковных судах, людях и мерилах церковных» [15]. Он довольно близок по своему содержанию Уставу князя Владимира Святославича Десятиной церкви. Устав Всеволода Мстиславича закреплял передачу кафедре части княжеских доходов, а также перечень прецедентов церковного суда и список церковных людей. Это должно было укрепить материальное положение новгородского архиерея. Подобные действия светской власти могли иметь основания только при условии отсутствия регулярных денежных поступлений в епископскую казну. Следовательно, на территории Новгорода и его округа было крайне ограниченное число приходов и монастырей, часть из которых, скорее всего, находилась вне юрисдикции новгородского владыки, обладала автономией или подчинялась лишь патронам/ктиторам (в том числе новгородским князьям), либо управлялась приходской общиной или монастырской братией.

К 1130-м гг. складываются условия, при которых новгородская кафедра начала обретать черты епископии. Основы епископальной структуры прослеживаются при владыке Нифонте (1131–1156 гг.) [4, с. 207]. В этот период стали оформляться епархиальные границы, формируется внутреннее деление на церковные округа, происходит разделение окормляемых территорий для клира, подвластного новгородскому архиерею. В «Вопрошаниях» Кирика Новгородца сохранился запрет владыки Нифонта попам служить за пределами своего округа, на чужой территории [16]. Появляются органы управления диоцезом, определяется круг церковных людей, подвластных епископу, архиерейская администрация, приближенные лица. В частности, воспитанник Антониева монастыря Кирик выполнял, очевидно, функции хартофилакса и принимал исповеди владычного и мирского духовенства. Начинает оформляться инфраструктура епископского двора. Если при епископах Никите и Иоанне началось обустройство архиерейских покоев, были возведены владычные каменные палаты, то при Нифонте были обеспечены условия для богослужения в кафедральном храме – были расписаны притворы Софийского собора, он же «поби святую Софею свиньцем всю прямя и извистию омаза всю околу» [3, с. 27, 28–29, 213, 215].

В период святительства Нифонта появляются известия о духовенстве, канонически подчиненном архиепископу. Так, в Новгородской первой летописи помещено известие летописца, сообщавшего о том, что он владыкой был поставлен попом [3, с. 27]. О безусловном подчинении клира интердиктам святителя Нифонта свидетельствуют запрет подвластным «попомъ и черенцемъ» не только венчать социально неравный брак князя Святослава Ольговича, но даже присутствовать при проведении таинства. В результате князь вынужден был «венчаться своими попы» [3, с. 24, 209]. Сюда же следует отнести запрет новгородского епископа отпелать двух утопших попов [3, с. 27, 213].

Благодаря церковному княжескому и частному строительству начала оформляться территориальная структура епископии [3, с. 23, 213–215]. В 1136 г. построил «церковь камяну святыя Богородицы на Търговищи Всѣволодь, Новгородѣ, съ архиепископъмъ Нифонтомъ» [3, с. 23, 213]. В 1153 г. Нифонт в Ладоге «заложил церковь святого Климента», а «в Великом Новгороде, на Торговой стороне... церковь камяну святого Климента, на Иворове улицы» [6]. Всего, согласно источникам, в период святительства Нифонта было заложено 12 церквей, три из них – при личном участии архиерея. В 1131 г.

Нифонт рукоположил Антония в игумены основанного им монастыря, тем самым подчиняя своей власти некогда автономную обитель [3, с. 22, 207], а после смерти основателя монастыря (1147 г) «даша игуменьство Андрѣови по Антонѣ» [3, с. 28, 214]. Следовательно, в период служения Нифонта как минимум три прихода и монастырь входили в ведение епископального управления, осуществляли отчисления в пользу епископа и находились в каноническом подчинении кафедры. Благодаря усилиям ближайшего сподвижника Нифонта Кирика был сформирован корпус канонических установлений новгородской епископии, составленных посредством «вопрошаний» к архиепископу и другим церковным иерархам. В Вопрошании даны канонические нормы и разъяснения богослужебных правил, призванные унифицировать требования к совершению богослужения в Новгороде.

Последующий период связан с формированием епархиального устройства в Новгородской земле. После смерти владыки Нифонта (1156 г.) в Новгороде установилась традиция замещения архиерейских вакансий из рядов местного духовенства – кафедру возглавил игумен и основатель новгородского монастыря Пресвятой Богородицы Аркадий [3, с. 29–31, 215]. Он активно пользовался правом поставления игуменов на подвластной ему территории. Так, под 1157 г. сообщалось, что «преставися Андрѣи, игумень святѣи Богородицы, и поставиша игуменомъ Олексу на его мѣсто» [3, с. 29–31, 215]. После смерти Олексы в 1162 г. игуменство было передано Мануилу [3, с. 31, 218]. Следовательно, Антониев монастырь-переселенец стал неотъемлемой частью церковно-административной структуры Новгорода. Под 1158 г. летопись сообщала, что «осени поставиша Дионисиа игуменомъ у святого Георгия в манастырѣ» [3, с. 30, 217]. Под 1162 г.: «у святого Духа поставиша игуменомъ Саву попина святого Савы» [3, с. 31, 218]. Таким образом, практику поставления Аркадием игуменов окрестных монастырей можно определить не только как исполнение канонических требований, но и как попытку новгородского епископа установить контроль над ктиторскими обителями своего церковного округа. Хотя в целом положение и статус монастырей в это время еще не были определены окончательно.

Практика церковного строительства получила широкое распространение в период святительства архиепископов Ильи (Иоанна) (1165–1186) и Гавриила (Григория) (1186–1193). Братьями-владыками были возведены церковь Благовещения Богородицы и надвратный Богоявленский собор в Благовещенском монастыре,

церкви во имя св. Отцов Никейского Собора и св. Иоанна на Торговище, основан Иоанно-Предтеченский монастырь [3, 36, 225–228]. Владыкой Гавриилом (Григорием) после смерти Ильи (Иоанна) построены церкви «на Жатунѣ... во имя святых 3 отроць» и «Усрѣтение господне» [3, с. 39, 230]. Это способствовало укреплению «материальной базы Софийского дома» [17, с. 38].

Под власть архиерейской кафедры также отошли освященные епископами каменная церковь Вознесения, построенная тысяцким Милонегом, церковь во имя апостолов Петра и Павла на Сильнице, возведенная на средства жителей Лукиной улицы в Людином конце, основанная Сотко Сытиничем церковь во имя святых Бориса и Глеба, заложенная Семьюном Дыбучевичем Успенская церковь «во Оркажи монастыре». Архиепископами в церкви Спаса Преображения на Хутыне был «нарече монастырь», а игуменю Ефросинию «Петровую Купцевица» «поставиша у святѣи Богородици в Звѣринци» [3, с. 32, 34, 38, 219, 223, 228, 230, 231; 7, с. 46]. В этот период новгородскими боярами и купеческими корпорациями было основано еще не менее 12 церквей [3, 31–32, 35, 37, 224, 227, 230], юрисдикция которых не всегда определима. Тем не менее при архиепископах Илье и Гаврииле происходило подчинение кафедре значительного числа вновь построенных церквей и обителей, которые обеспечивали материальный доход кафедры в виде регулярных отчислений, ставленнических пошлин, что отражало процесс формирования епархиальной структуры, органов управления, канонической подчиненности мирского и черного духовенства епископской власти.

Занявший в 1193 г. новгородский владычный стол Мартирий продолжил деятельность по рукоположению духовенства, освящению церквей и монастырей, основанных новгородцами как в черте города, так и за его пределами. Он освятил «церковь деревяну святого апостола Филиппа, на Нутной улицѣ», «церковь камену святого Кирила в монастыре въ Нелѣзенѣ» [3, с. 234–236]. В период святительства Мартирия была возведена каменная церковь святого пророка Ильи на Холме, на средства князя Ярослава Владимировича началось строительство церкви Спаса Преображения в Нередицах [3, с. 41–43, 237–238]. Сам владыка Мартирий заложил, освятил и исписал «святую Богородицу на воротѣх», построил церковь «святое Воскресение на поле, монастырь» на Мячине, «постави церковь камену святого Николая чудотворца, и монастырь устрой», «постави церков на Остро-ви, святого Никифора», Старой Руссе в Спас-

ском монастыре «церковь камену святое Преображение» [3, с. 40–43, 234, 235, 237; 7, с. 47].

После смерти владыки Мартирия (1199 г.) в истории новгородской архиепископии наступает период неустойчивого положения архиерейской власти. На протяжении 30 лет, неоднократно сменяя друг друга, на новгородской кафедре находились владыки Митрофан, Антоний и Арсений. Это связано с борьбой боярских кланов за контроль над церковной организацией как одной из ветвей власти в Новгородской земле. Однако несмотря на неустойчивость положения правящих архиереев, продолжалось оформление территориальной структуры архиепископии. Летописные источники упоминают церкви и монастыри «владычне», новгородскими архиепископами были сделаны вклады в «церковь камену святу Варвару монастырь», освящены церкви св. Павла, св. Семеона Богоприимца, св. Константина и Олены и св. Михаила [3, с. 57, 59, 258, 260; 7, с. 48].

Сообщается в Новгородской первой летописи о строительстве знатными новгородцами, городскими корпорациями и представителями княжеской семьи каменной церкви 40 святых мучеников посадником Прокшею Малышевичем; монастыря Рождества Богородицы княгиней Ярославовой; возведении Твердиславом церкви «на воротех въ Оркажи монастыри Михалковиць, святого Симеона столпника, иже на Дивнѣи горѣ»; церкви святого Луки на Лубяной улице; «святая Пятница заморскыи купцѣ»; «святого Пянтелѣимона Федорѣ Пинешиниць, монастырь», церкви пророка Ильи на Холме, Твердиславом и Федоромъ церкви каменной святого Михаила и «святых 3 отроць посторонь церковцу малу» [3, с. 44, 50, 59, 238, 247, 260].

В конце XII – начале XIII в. прослеживается устойчивая связь новгородских боярских кланов с монастырями: посадник Мирошка пострижен и похоронен в монастыре св. Георгия, другой посадник Михалко Степанич положен «у святѣи Богородици въ Оркажи монастыри», его сын постригся в Аркажском монастыре, а жена Твердислава в Варваринном монастыре [3, с. 50, 60, 246, 262]. Известно о передаче архиерейским обителям пожалований от бояр и князей в Аркажский, Богородицкий в Старой Руссе и Юрьев монастыри [3, с. 50, 238, 246–247]. Все это привело к формированию системы кончанских обителей, находившихся под патронатом боярских кланов [18, с. 125]. В результате была сформирована система монастырского управления под руководством новгородского архимандрита [19], первое упоминание которого относится к 1226 г. [3, с. 41, 234]. Признавая данное сообщение достоверным [20], необхо-

димо отметить, что юрьевские игумены, исполнявшие функции архимандритов, назначались с благословения новгородских владык, первоначально не имели четких властных функций и даже печатей [21]. В то же время нельзя преувеличивать власть архиепископов Новгорода над монастырями архимандритии, вероятно, она ограничивалась областью церковно-канонического права [22, с. 242; 23, с. 175]. Однако необходимо отметить что к 1230-м гг. в Новгороде начали оформляться важнейшие черты епархиальной структуры: деление на церковные округа, органы управления диоцезом, каноническая подчиненность архиереям мирского и монастырского духовенства.

Таким образом, в первые десятилетия после основания Новгородская епископия существовала как христианская миссия, действующая при поддержке княжеской власти. Черты епископальной структуры стали проявляться к концу XI в., а к середине XII в. на территории новгородской епископии была сформирована общая структура архиерейского двора, было закреплено деление на окормливаемые округа, утвердилась практика рукоположения духовенства в сан, были созданы условия для формирования основ материального содержания кафедр не только за счет княжеских пожалований, но и отчислений от подвластных приходов и монастырей. К концу первой трети XIII в. формируются общие черты епархиального устройства: территориальное деление на церковные округа, подчинение епископу мирского и монастырского духовенства, церквей и обителей через практику рукоположения в сан, денежные вклады, строительство; происходит усложнение структуры управления епископией, формирование архиерейского управления приходами, выделение монастырских обителей в подчинение новгородской архимандритии.

Список литературы

1. Цыпин В.А. Каноническое право. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2009. 864 с.
2. Чудинов А.Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. М., 1910. 989 с.
3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А.Н. Насонова. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. 642 с.
4. Шапов Я.Н. Государство и церковь Древней Руси. X–XIII вв. М.: Наука, 1989. 233 с.
5. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. IX. М.: Языки русской культуры, 2000. 288 с.
6. Новгородские летописи: (Так названные новгородская вторая и новгородская третья летописи). СПб.: Тип. Имп. академии наук, 1879. 113 с.
7. Летописный сборник, именуемый Летописью Авраамки // ПСРЛ. Т. XVI. М.: Языки русской культуры, 2000. 240 с.
8. Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. II. М.: Языки русской культуры, 1998. 605 с.
9. Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. М.: Языки русской культуры, 2000. 728 с.
10. Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. I. М.: Языки русской культуры, 1997. 496 с.
11. Киево-Печерский патерик, или Сказания о житии и подвигах святых угодников Киево-Печерской лавры / Пер. с церк.-слав. и предисл. Е. Поселянина. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2012. 432 с.
12. Духовная Антония Римлянина // Памятники русского права. Вып. 2.: Памятники права феодально-раздробленной Руси XII–XV веков / Под ред. С.В. Юшкова; сост. А.А. Зимин. М., 1953. С. 106–107.
13. Устав новгородского князя Всеволода Мстиславича купеческой организации церкви Ивана на Опоках // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Изд. под. Я.Н. Шапов, отв. ред. Л.В. Черепнин. М., 1976. С. 158–165.
14. Гиппиус А.А. К истории текста церковного Устава Всеволода // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Великий Новгород, 2003. Вып. 17. С. 163–173.
15. Устав новгородского князя Всеволода о церковных судах, людях и мерилах торговых // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Изд. под. Я.Н. Шапов, отв. ред. Л.В. Черепнин. М.: Наука, 1976. С. 153–158.
16. Вопрошание Кириково // Мильков В.В., Симонов Р.А. Кирик Новгородец: ученый и мыслитель. М., 2011. С. 413–429.
17. Хорошев А.С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики М.: Изд-во МГУ, 1980. 223 с.
18. Янин В.Л. Из истории высших государственных должностей в Новгороде // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963. С. 118–127.
19. Несин М.А. Архимандриты вечаевого Новгорода // NOVOGARDIA. 2019. № 4. С. 44–139.
20. Гиппиус А.А. Новгородская владычная летопись XII–XIV вв. и ее авторы (История и структура текста в лингвистическом освещении) // Лингвистическое источниковедение и история русского языка / Под ред. А.М. Молдован, А.А. Плетнева. М., 2006. С. 114–251.
21. Гайденок П.И. Почему упоминание об архимандритах отсутствует в древнерусских церковных уставах? (несколько замечаний) // Гуманитарные науки в XXI веке: научный интернет-журнал. 2014. № 3. С. 18–27.
22. Янин В.Л. Средневековый Новгород: очерки археологии и истории. М.: Наука, 2004. 415 с.
23. Янин В.Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М.: Языки славянских культур, 2008. 424 с.

**FROM BISHOPRIC TO DIOCESE: ON THE PROBLEM
OF FORMING THE CHURCH STRUCTURE OF NOVGOROD**

T.Yu. Fomina

The article examines the process of the formation of church districts in Russia, in particular, the ways of their development from the bishopric to the diocese. Novgorod was chosen as an example of such an evolution. Based on annalistic sources, the processes of the formation of diocesan borders, the internal division into church districts, governing bodies and canonical subordination to the Novgorod bishops of the secular and monastic clergy are analyzed. As a result of the study, the author identifies the periods and substantiates the principles of the development of the Novgorod see. Until the end of the 11th century, it was a Christian mission supported by the princely authority. By the middle of the XII century, the episcopal structure took shape. By the 1230s, the general features of the diocesan system were formed.

Keywords: history of the Russian church, Novgorod, bishopric, diocese, churches, monasteries, Russian chronicles.

References

1. Cypin V.A. Kanonicheskoe pravo. M.: Izd-vo Sretenskogo monastyrya, 2009. 864 s.
2. Chudinov A.N. Slovar' inostrannyh slov, voshedshih v sostav russkogo yazyka. M., 1910. 989 s.
3. Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshhego izvodov / Pod red. i s predisl. A.N. Nasonova. M.; L.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1950. 642 s.
4. Shchapov Ya.N. Gosudarstvo i cerkov' Drevnej Rusi. X–XIII vv. M.: Nauka, 1989. 233 s.
5. Letopisnyj sbornik, imenuemyj Patriarshej ili Nikonovskoj letopis'yu // Polnoe sobranie russkikh letopisej (PSRL). T. IX. M.: Yazyki russkoj kul'tury, 2000. 288 s.
6. Novgorodskie letopisi: (Tak nazvannye novgorodskaya vtoraya i novgorodskaya tret'ya letopisi). SPb.: Tip. Imp. akademii nauk, 1879. 113 s.
7. Letopisnyj sbornik, imenuemyj Letopis'yu Avraamki // PSRL. T. XVI. M.: Yazyki russkoj kul'tury, 2000. 240 s.
8. Ipat'evskaya letopis' // PSRL. T. II. M.: Yazyki russkoj kul'tury, 1998. 605 s.
9. Novgorodskaya chetvertaya letopis' // PSRL. T. IV. Ch. I. M.: Yazyki russkoj kul'tury, 2000. 728 s.
10. Lavrent'evskaya letopis' // PSRL. T. I. M.: Yazyki russkoj kul'tury, 1997. 496 s.
11. Kievo-Pecherskij paterik, ili Skazaniya o zhitii i podvigah svyatyh ugodnikov Kievo-Pecherskoj lavry / Per. s cerk.-slav. i predisl. E. Poselyanina. M.: Izd-vo Sretenskogo monastyrya, 2012. 432 s.
12. Duhovnaya Antoniya Rimlyanina // Pamyatniki russkogo prava. Vyp. 2.: Pamyatniki prava feodal'no-razdroblennoj Rusi XII–XV vekov / Pod red. S.V. Yushkova; sost. A.A. Zimin. M., 1953. S. 106–107.
13. Ustav novgorodskogo knyazya Vsevoloda Mstislavicha kupecheskoj organizacii cerkvi Ivana na Opokah // Drevnerusskie knyazheskie ustavy XI–XV vv. / Izd. pod. Ya.N. Shchapov, otv. red. L.V. Cherepnin. M., 1976. S. 158–165.
14. Gippius A.A. K istorii teksta cerkovnogo Ustava Vsevoloda // Novgorod i Novgorodskaya zemlya: Istoriya i arheologiya. Velikij Novgorod, 2003. Vyp. 17. S. 163–173.
15. Ustav novgorodskogo knyazya Vsevoloda o cerkovnyh sudah, lyudyah i merilah torgovyh // Drevnerusskie knyazheskie ustavy XI–XV vv. / Izd. pod. Ya.N. Shchapov, otv. red. L.V. Cherepnin. M.: Nauka, 1976. S. 153–158.
16. Voproskanie Kirikovo // Mil'kov V.V., Simonov R.A. Kirik Novgorodec: uchenyj i myslitel'. M., 2011. S. 413–429.
17. Horoshev A.S. Cerkov' v social'no-politicheskoj sisteme Novgorodskoj feodal'noj respubliki M.: Izd-vo MGU, 1980. 223 s.
18. Yanin V.L. Iz istorii vysshih gosudarstvennyh dolzhnostej v Novgorode // Problemy obshchestvenno-politicheskoj istorii Rossii i slavyanskih stran. M., 1963. S. 118–127.
19. Nesin M.A. Arhimandrity vechevogo Novgoroda // NOVOGARDIA. 2019. № 4. S. 44–139.
20. Gippius A.A. Novgorodskaya vladychnaya letopis' XII–XIV vv. i ee avtory (Istoriya i struktura teksta v lingvisticheskom osveshchenii) // Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriya russkogo yazyka / Pod red. A.M. Moldovan, A.A. Pletneva. M., 2006. S. 114–251.
21. Gajdenko P.I. Pochemu upominanie ob arhimandritah otsutstvuet v drevnerusskikh cerkovnyh ustavah? (neskol'ko zamechanij) // Gumanitarnye nauki v XXI veke: nauchnyj internet-zhurnal. 2014. № 3. S. 18–27.
22. Yanin V.L. Srednevekovyj Novgorod: ocherki arheologii i istorii. M.: Nauka, 2004. 415 s.
23. Yanin V.L. Ocherki istorii srednevekovogo Novgoroda. M.: Yazyki slavyanskih kul'tur, 2008. 424 s.